

«СУХОЙ ЗАКОН» 1914 года: от придворной интриги до революции

«Сухой закон» 1914 г. законодательно так и не успел оформиться до начавшейся в феврале 1917 г. революции. Судьба его была тесно связана с придворными и ведомственными интригами, с отношениями министров и Думы, с борьбой органов местного самоуправления за расширение своей компетенции и желанием правительства подыграть им в условиях начавшейся войны. Вместе с тем история «сухого закона» не стала самостоятельной темой в историографии, несмотря на ряд исследований, вышедших в свет с первых же лет проведения антиалкогольных мероприятий¹. В настоящее время «сухой закон» и «пьяный вопрос» все чаще рассматриваются не только в контексте экономической политики, но и в свете социально-психологических процессов периода Первой мировой войны и революции в России². Тем не менее пока еще не выяснено, как менялось отношение общества к антиалкогольным мероприятиям, привела ли реформа к снижению пьянства, какую позицию занимали во время ее подготовки и реализации отдельные министры, делались ли попытки смягчить негативные экономические последствия принятых мер? Что именно заставило Николая II в условиях войны пойти на отмену статьи доходов, обеспечивавшей более четверти всех поступлений в бюджет? Официальные заявления о намерении искоренить пьянство звучали несколько наивно, учитывая предшествовавший период господства винной монополии, а также то, что трезвенническое движение, бывшее ровесником виттевской реформы, не встречало сколько-нибудь серьезной правительственной поддержки. Наоборот, Первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством завершился в январе 1910 г. арестами отдельных «заговорившихся» «трезвенников». Учитывая, что борьба за трезвость в начале XX в. велась преимущественно органами местного самоуправления, в действиях императора можно усмотреть попытку сплотить власть и общество в военное время с помощью уступок в «пьяном вопросе». Но почему тогда поворот к «трезвому бюджету» царь наметил еще в рескрипте П.Л. Барку в январе 1914 г., когда особых поводов для заигрывания с обществом не было? Недоумение вызывает и спешное увольнение прежнего министра финансов и председателя Совета министров В.Н. Коковцова. Говорить о личной неприязни к нему императора не приходится, экономическое развитие России также было успешным (увеличивался банковский капитал, бюджет сводился без дефицита). Однако Коковцов устраивал далеко не всех, как внутри Совета министров, так и при Дворе и в Государственной думе.

Интрига

Протекции, связи, близость к тем или иным кружкам и влиятельным персонам играли в Российской империи решающую роль при назначении или увольнении сановников. В.Н. Коковцов стал в феврале 1904 г. министром финансов благодаря поддержке со стороны председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского и министра внутренних дел В.К. Плеве³. И хотя из-за сложных отношений с графом С.Ю. Витте он вынужден был в октябре 1905 г. покинуть правительство, уже в апреле 1906 г. император вернул ему министерский портфель. При И.Л. Горемыкине и П.А. Столыпине положение Коковцова только усиливалось, и в сентябре 1911 г. именно он был назначен председателем Совета министров, оставшись при этом во главе финансового ведомства. Однако к середине 1913 г. позиции премьера серьезно пошатнулись. К этому

* Аксенов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института радиотехники, электроники и автоматики.

времени его покровители были уже мертвы, а искать опору в новых кружках и партиях Коковцов не желал. Между тем с 1912 г. заметно усилилось влияние скандально известного кн. В.П. Мещерского и притчей во языцех являлся Г. Распутин. Председатель Государственного совета М.Г. Акимов, «пессимистично» оценивавший личность монарха, резко отзывался тогда о его «новом окружении» и рассказывал своим знакомым, что «среди столичных государственных деятелей не раз возникал вопрос о том, как обезопасить трон от случайных закулисных влияний и образовать вокруг него особый Верховный совет, или учредить при особе Николая II должность личного секретаря»⁴.

Главным врагом Коковцова был кн. Мещерский, издававший журнал «Гражданин», который читал император. Первое заочное столкновение между ними произошло в 1909 г., когда Мещерский собирался отметить 50-летие своей публицистической деятельности и обратился к Столыпину с просьбой выдать ему на празднование юбилея 200 тыс. руб. Столыпин готов был оказать князю такую услугу, однако Коковцов отговорил его, и князь получил лишь негласную пенсию в размере 6 тыс. руб. в год⁵. Тем не менее до весны 1913 г. на страницах «Гражданина» в адрес Коковцова часто звучали хвалебные эпитеты, отмечались его «ум и большой служебный опыт», а также блестящее красноречие, позволявшие влиять на Государственную думу⁶. Более того, когда на главу правительства обрушилась критика националистов, Мещерский занял сторону Коковцова.

Однако князь поддерживал только тех, кто был ему полезен и до тех пор, пока считал это выгодным. В правительстве наиболее «полезен» ему был его протеже, министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Узнав о намерении Николая II заменить Маклаковым уволенного А.А. Макарова, рекомендованного в 1911 г. самим Коковцовым, премьер попытался отговорить императора. Когда же он понял, что вопрос о назначении Маклакова предрешен, то не придумал ничего лучше, как вызвать будущего министра к себе на дачу и откровенно выразить свое недовольство его близостью к кружку кн. Мещерского⁷. Со своей стороны, Мещерский, воспользовавшись произошедшим в Думе столкновением между премьером и Н.Е. Марковым поместил в «Гражданине» сравнительный психологический портрет Маклакова и Коковцова. По мнению князя, министра внутренних дел характеризовало «спокойное и незлобное отношение к критике», тогда как для главы правительства были типичны истеричность и «безмерно злобная» реакция на оппонентов⁸.

Коковцов обвинялся князем и «в потворстве евреям в ущерб государству», в частности, в финансовой поддержке оказавшегося на грани банкротства Л.С. Полякова⁹. Решив воспользоваться «еврейским вопросом», Мещерский принялся разоблачать на страницах «Гражданина» «жидо-масонский заговор», ссылаясь летом 1913 г. на снижение котировок российской биржи во время конфликта на Балканах: «Это несомненно является осуществлением какого-то ужасного замысла масонов, евреев и анархистов – посредством эволюции на бирже разрушать Россию вернее, чем войною или революцией... С ведома и благодаря бездействию министра финансов Россия делается жертвою, именно теперь, адского замысла ее разорить, во что бы то ни стало»¹⁰. Все это, разумеется, не мешало самому Мещерскому вести дела с известным «биржевым королем» И.П. Манусом, происходившим из еврейской семьи, проживавшей в Бессарабской губ. Манус к тому же сочинял финансовые заметки для «Гражданина» под псевдонимом Зеленый и частично финансировал издание журнала. Вероятно, противостояние нечистоплотным биржевым спекулянтам со стороны Коковцова, имевшее отрицательные финансовые последствия для Мещерского, стало еще одной причиной их столкновения. Так, в мае 1912 г. при содействии Мещерского Манус был избран действительным членом совета Фондового отдела биржи, но Коковцов, зная о махинациях Мануса, отказался его утвердить. Трижды Манус пытался получить данный пост, но ничего не добился. Между тем близкие отношения связывали его не только с Мещерским, но и с Распутиным.

Оставляли желать лучшего и отношения главы Совета министров с Распутиным. В феврале 1912 г., когда в прессе и в Думе разгорался скандал относительно близости этой

фигуры к царской семье, Коковцов вызвал его к себе и предложил покинуть Петербург. Вскоре во время аудиенции император неожиданно спросил у министра финансов о том, какое мнение сложилось у него о Распутине. Коковцов признался, что тот оставил «самое неприятное впечатление», и охарактеризовал его как «типичного представителя сибирского бродяжничества», встречающегося «в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди так называемых не помнящих родства»¹¹. Николай II никак не отреагировал на эту характеристику, однако с тех пор Александра Федоровна при встречах демонстративно перестала замечать главу правительства.

Помимо Маклакова оппонентами Коковцова являлись министр земледелия и землеустройства А.В. Кривошеин, министр юстиции И.Г. Щегловитов, военный министр В.А. Сухомлинов. В Думе против Коковцова выступали не только либеральная оппозиция, но и представители правых партий, недовольные тем, что новый премьер-министр, в отличие от Столыпина, считал их финансовую поддержку со стороны казны «нецелеобразной»¹². В результате, к концу 1913 г. противникам Коковцова не хватало лишь удобного повода, чтобы ускорить его отставку. Как вспоминал депутат Государственной думы Н.В. Савич: «Против последнего уже давно шла глухая борьба, вели подкоп приближенные императрицы. Но убедить государя расстаться с этим верным слугой трона, опытным министром финансов и председателем Совета министров, было трудно. Чтобы сломить это сопротивление воспользовались “пьяным вопросом”. Прежде всего подготовили государя к мысли, что запрещение продажи вина есть священная задача его царствования, завещанная ему от Господа... В то время государь уже начал впадать в некоторый мистицизм, эта идея ему понравилась»¹³. Сам Коковцов также писал, будто Распутин постоянно повторял императору, что «негоже царю торговать водкой и спаивать честной народ»¹⁴.

В конце 1913 г. в Думе был разработан очередной проект борьбы с пьянством, предусматривавший расширение полномочий земств и городских дум относительно открытия трактирных заведений. Министерство финансов доработало законопроект, и в декабре он был передан на рассмотрение Государственного совета. Учитывая, что расширение полномочий местного самоуправления в вопросе, непосредственно касавшемся бюджета страны не могло не вызвать противодействия справа, проект этот был обречен, по крайней мере, в своем первоначальном виде. Однако совершенно неожиданно на слушаниях в Совете против отдельных его положений выступил граф Витте, раскритиковавший недостаточность предполагаемых мер по сокращению потребления алкоголя в стране и возложивший всю ответственность за него на Коковцова. Автор винной монополии, которого самого обвиняли в политике спаивания народа, теперь бросал это же обвинение в лицо своему преемнику. Кроме того, Витте критиковал Коковцова за намерение поднять стоимость ведра водки на 40 коп. хотя в бытность министром финансов сам пользовался подобной мерой. После заседания Акимов спросил у Коковцова: «А Вы не слышали, что будто бы вся эта кампания трезвости ведется Мещерским, главным образом, потому, что ему известно, что на эту тему постоянно твердит в Царском Селе Распутин и на этом строит свои расчеты и Витте, у которого имеются свои отношения к этому человеку?»¹⁵. Догадки Акимова оказались справедливыми, так как впоследствии, благодаря показаниям директора Департамента полиции С.П. Белецкого, факт тесного общения Распутина и Витте подтвердился. Симпатизируя Витте, Распутин «неоднократно говорил (о нем) в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти»¹⁶.

29 января 1914 г. Коковцов получил от императора письмо, в котором главной причиной отставки указывалась невозможность соединять в одном лице должности министра и главы правительства, а также содержался намек на необходимость изменения финансового курса страны, «с чем может справиться только свежий человек»¹⁷. Председателем Совета министров «без портфеля» стал весьма осторожный и консервативный 75-летний Горемыкин, уже занимавший этот пост в 1906 г., а Министерство финансов возглавил бывший товарищ министра торговли и промышленности П.Л. Барк.

П.Л. Барк и винная реформа

Хотя впоследствии Барк и отрицал в мемуарах «распутинский след» в своем назначении на пост министра финансов, однако осведомленные современники указывали на его связь с Манусом¹⁸. С его помощью Барк познакомился с кн. Мещерским. Установить отношения с Горемыкиным ему помог другой банкир – Д.Л. Рубинштейн, который был вхож в дом Горемыкиных и одновременно имел контакты с Распутиным (хорошо знал Горемыкин и Мануса)¹⁹. Если лица, близкие к Коковцову, отмечали его аполитичность и нежелание участвовать в интригах, то о Барке говорили как об опытном шахматисте, который имел «большие, издавна установившиеся с влиятельными лицами и кружками связи, умело пользовался каждым, кто был нужен ему при тех или иных обстоятельствах, лично к нему относящихся»²⁰.

26 января 1914 г. состоялась аудиенция Барка у императора, во время которой Николай II интересовался его видением перспектив экономического развития России. Понимая подтекст этого вопроса, будущий министр финансов указал на необходимость сократить доходы от продажи водки и сделать подоходный налог основным источником пополнения казны²¹. Спустя 4 дня, при назначении управляющим министерством, Барк получил высочайший рескрипт, в котором «печальные картины народной немощи» расценивались как «неизбежные последствия нетрезвой жизни», отмечалась важность «пересмотра закона о казенной продаже питей» и говорилось о необходимости осуществления «коренных преобразований»²². Таким образом, император сам определял главное направление деятельности финансового ведомства, оговорив, правда, что подробные указания относительно винной реформы будут даны позднее. Это было очень удобно для Барка, безусловно, представлявшего финансовые последствия ограничения продажи питей.

Тем не менее как широкая общественность, так и государственные деятели наивно полагали, что рецепт чудесного спасения России от пьянства уже найден и с нетерпением ожидали от Барка заявлений по этому поводу. Даже председатель Совета министров Горемыкин, торопил министра с выступлением перед Государственной думой и Советом министров для прояснения ситуации, однако Барк каждый раз отговаривался тем, что ждет детальных инструкций от царя²³. Подобное перенесение ответственности за начало реформы на императора позволяло ничем не рискуя проводить прежнюю финансовую политику, проверенную при Коковцове.

Когда же министру все же пришлось выступить перед Государственной думой, он отметил, что для борьбы с пьянством необходимо сокращение мест продажи алкогольной продукции и проведение мероприятий, способных поднять моральный и интеллектуальный уровень народа. Причем Барк сделал акцент на том, что «это очень трудная задача и потребует много лет, чтобы ее осуществить»²⁴. По сути, данное заявление было равносильно признанию в том, что никакого плана реформы в Министерстве финансов нет и сама она едва ли возможна. Подобная постановка вопроса, предусматривавшая серию просветительских мероприятий, полностью соответствовала позиции Коковцова. «Я опасаюсь, – не без лукавства заявлял Барк, – что несмотря на энергичные меры со стороны Министерства финансов доход, поступающий с продажи спиртных напитков, не будет значительно уменьшаться в ближайшем будущем и останется неизменным»²⁵. Одним из первых мероприятий нового министра финансов стало повышение акциза на спирт на 40 коп. Спустя несколько месяцев, в июле 1914 г., когда уже были проведены первые мероприятия по сокращению торговли алкогольной продукцией, Барк вновь предложил Совету министров повысить цены на спирт и вино, а также взимать акциз со спирта, вина, пивоварения и табачных изделий в высших размерах²⁶. 27 июля 1914 г. цена водки была поднята до 12 руб. 80 коп. за ведро.

Позиция министра финансов только усиливала предположения, что разговоры о питейной реформе являлись лишь предлогом для отставки Коковцова. Горемыкин, не получив от Барка сколько-нибудь связного ответа о питейных мероприятиях, пришел к выводу, что никакой реформы не будет: «Все это чепуха, одни громкие слова, которые

не получают никакого применения. Государь поверил тому, что ему наговорили, очень скоро забудет об этом новом курсе, и все пойдет по-старому»²⁷. В конце концов, государственный бюджет на 1914 г., подготовленный еще при Коковцове, но получивший окончательный вид уже после назначения Барка, был построен на доходах от казенной продажи питей, предусмотренных в размере 936 077 500 руб. (общая сумма доходов империи должна была составить 3 572 169 473 руб.). Любопытно, что по сравнению с проектом Коковцова, в окончательном варианте бюджета предполагаемые доходы от казенной продажи питей возросли на 272,5 тыс. руб. Однако после начала войны и введения ограничительных мер по продаже алкогольной продукции недобор доходной части составил в 1914 г. 674 071 780 руб. (из них более 432 млн относились к винной монополии).

Вместе с тем поиск новых источников пополнения казны продолжался. Были повышены пошлины на железнодорожные перевозки, открывались новые сберегательные кассы для населения, но доходы от этого не шли ни в какое сравнение с почти миллиардными поступлениями в казну от питейного дела. В результате, когда в августе 1914 г. на заседании Совета министров в Московском Кремле Николай II напомнил о планах запретить продажу спиртных напитков, министр финансов пришел в замешательство, упомянул, что проведение реформы было рассчитано на длительный срок и попросил несколько дней на подготовку плана действий²⁸. На следующем заседании Барк озвучил свой «план», предложив покрыть образовавшийся вследствие ограничения продажи питей дефицит бюджета иностранными займами²⁹. Хотя некоторые министры высказались за перенос реформы на послевоенное время, министр финансов настаивал на том, что именно в период войны в условиях общего дефицита ее финансовые последствия окажутся «менее ощутимыми». Со своей стороны Горемыкин, беседуя в октябре 1914 г. с Коковцовым, утверждавшим, что нельзя одновременно вести войну и вычеркивать из бюджета четвертую часть доходов, заявил: «Ну что за беда, что у нас выбыло из кассы 800 млн рублей доходов. Мы напечатаем лишних 800 млн бумажек»³⁰. Много позднее Барк писал, что на монарха неожиданно сильный эффект произвела депутация от крестьян, посетившая его в Кремле и просившая запретить продажу водки. Царь дал крестьянам слово и впоследствии, когда министр финансов попытался смягчить издержки реформы, установив минимальный срок запрета винной торговли, отказывался это сделать, не желая вызвать в народе сомнения относительно искренности своего намерения побороть пьянство³¹.

«Трезвая» мобилизация

Выступая за ограничение мест продажи питей в империи в период мобилизации, военный министр В.А. Сухомлинов помнил о том, что мобилизация 1904 г. была серьезно подорвана волной винных погромов, устраивавшихся призывниками³². Уже 17 апреля 1914 г. Н.А. Маклаков разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр, согласно которому, «в случае объявления высочайшего повеления о мобилизации, торговля крепкими напитками должна незамедлительно прекращаться в пределах мобилизованных уездов»³³. 14 мая 1914 г. был одобрен законопроект о передаче заведывания делами и учреждениями о попечении народной трезвости из Министерства финансов в МВД (законопроект предусматривал, в частности, передачу попечения о народной трезвости на местах органам земского и городского самоуправления). 13 июля Сухомлинов «секретно» сообщил Маклакову о скорой мобилизации, предлагая принять «все меры к полному прекращению всякой торговли спиртными напитками во всех районах, где будет объявлена мобилизация»³⁴. 15 июля Маклаков шифрованной телеграммой поручил губернаторам и градоначальникам сделать все необходимые предварительные распоряжения на этот счет «на всех путях следования запасных в войска и частей войск в районы сосредоточения на весь срок с первого момента объявления и до закрытия сборных пунктов»³⁵. С началом мобилизации 17 июля данные положения были закреплены в указе об ограничении продажи алкогольной продукции до 15 августа 1914 г.

При этом власти не учли, что закрытие мест продажи питей касается не только фискальных вопросов и вопросов поддержания общественного порядка, но и затрагивает традиции проводов на войну. Одними запретительными мерами перечеркнуть складывавшийся столетиями ритуал было невозможно, поэтому с первых же дней мобилизации по России прокатилась волна погромов казенных винных лавок и бунтов, в которых иногда принимали участие несколько сотен человек³⁶. Наиболее тревожные донесения в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей поступили 22 июля из Томской губ. За неполные 5 дней в разных местах было разгромлено более 20 винных лавок и складов. В Кузнецке склад был взят приступом и в течение нескольких дней находился в руках призванных в армию запасных. Опасаясь проникать внутрь, полиция наблюдала за происходящим снаружи³⁷. Во время разгрома склада в Барнауле начался пожар. Тревожным симптомом являлось то, что к запасным начали присоединяться крестьяне. Управляющий акцизными сборами Лагунович телеграфировал в Петербург: «Возмущение запасных Томской губернии принимает характер мятежа»³⁸. Между тем пьяные барнаульские беспорядки были окрашены в патриотические цвета: после разгрома винных складов толпа разрушила представительства 6 датских фирм, ошибочно приняв их за германские³⁹. В итоге, министр финансов разрешил начать в Томске уничтожение алкогольных запасов.

Не отставал от Сибири и Урал. В июле в Пермской губ. было разорено 29 складов, причем в событиях активное участие принимали женщины⁴⁰. В Центральной России дела обстояли немногим лучше. В Рязанской губ. к 22 июля были разгромлены «всего лишь» 2 казенных винных склада, вследствие чего губернатор Н.Н. Кисель-Загорянский предписал установить усиленную охрану на сборных пунктах запасных и по всем путям их следования, а также подготовиться к экстренному вывозу алкоголя в другие районы или уничтожению⁴¹. Меньший масштаб пьяных погромов в ряде губерний компенсировался более частыми случаями употребления суррогатов, за которыми нередко следовали тяжелые отравления, иногда с летальным исходом⁴². Тем не менее эксцессы, связанные с запретом винной торговли в период мобилизации, не помешали Сухомлинову написать впоследствии: «Наша мобилизация прошла как по маслу! Это навсегда останется блестящей страницей в истории нашего генерального штаба»⁴³.

Правительственная политика и воля императора

Пьянство запасных всерьез напугало власти, да и мобилизационные мероприятия не укладывались в первоначальные сроки. Поэтому 9 августа 1914 г. Совет министров продлил до 1 сентября ограничения для распивочной торговли и запрет на продажу на вынос всех спиртных напитков, кроме виноградного вина⁴⁴. Вместе с тем министру финансов было поручено установить размер потерь от данной меры и указать, «с какого срока представлялось бы нужным восстановить свободную торговлю означенными напитками»⁴⁵. Таким образом, ограничительные меры министры воспринимали как временные. Они исходили исключительно из фискальных соображений и необходимости поддержания порядка в местах дислокации запасных частей. Более того, 30 июля по представлению министра финансов в Совете министров началось обсуждение вопроса о повышении цен на спирт и вино, а также акциза со спирта, вина, пивоварения и табачных изделий⁴⁶. Но этим планам не суждено было сбыться: 22 августа Николай II повелел продлить воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи до окончания войны. Изучение возможных финансовых последствий «сухого закона» было остановлено.

Оставалось неясным, распространяется ли царское повеление на торговлю пивом, о котором в указе не упоминалось. Поскольку в России было более тысячи крупных пивоваренных заводов и около 5 тыс. пивоварен, запрещение торговли пивом могло обернуться как ростом безработицы, так и недополучением доходов государственного бюджета. В августе российские пивозаводчики буквально завалили МВД телеграммами, предупреждая правительство о возможной катастрофе (вынужденные увольнения,

массовая безработица, кризис в связанных с пивоварением отраслях сельского хозяйства и т.д.) и прося возобновить торговлю пивом после окончания мобилизации или же дозволить вывоз его для продажи в те местности, где торговля разрешалась⁴⁷. Понимая, что инициатива «сухого закона» исходит от императора, представители местной администрации старались четко исполнять все правительственные распоряжения. Лишь астраханский губернатор И.Н. Соколовский попытался защитить интересы пивозаводчиков, отправив Маклакову и Барку телеграммы с просьбой разрешить продажу пива в городах⁴⁸. Однако МВД ему отказало.

В то же время в правительстве по данному вопросу единодушия не наблюдалось. Если Маклаков уверял Сухомлинова в том, что в винном вопросе будет до конца придерживаться воспретительной политики⁴⁹, то его товарищ В.Ф. Джунковский, заведовавший полицией, напротив, телеграфировал Барку, что «разрешение продажи пива не может грозить особо вредными последствиями, а между тем, несомненно, устранит надвигающийся для значительного числа лиц экономический кризис»⁵⁰. Министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, беспокоясь о сохранении российского пивоварения, предлагал даже 25 августа на заседании Совета министров понизить крепость пива до 3%, чтобы разрешение на торговлю пивом и портером не нанесло вреда борьбе за народную трезвость⁵¹. Вскоре возникла идея понижения крепости водки (до 37%) и виноградных вин. 16 и 29 августа этот вопрос обсуждался Советом министров, однако 10 сентября царь оставил на особом журнале резолюцию: «Делу этому не давать хода, ввиду того что я предрешил казенную продажу вина (водки) воспретить навсегда»⁵².

Местная власть в борьбе за трезвость

Уже летом 1914 г. органы местного самоуправления, духовенство и некоторые общественные организации ходатайствовали о запрете продажи алкогольной продукции вплоть до окончания войны. Губернаторы в телеграммах министру внутренних дел постоянно ссылались на то, что предложения продлить запретительные меры до конца войны исходят от земств и городских дум⁵³. Император получал большое количество благодарственных писем, в которых нередко рисовались поистине фантастические картины внезапного отрезвления и оздоровления нации⁵⁴. Желая угодить властям, на местах нередко перегибали палку. Так, например, в трактирах Ейска было запрещено торговать не только спиртными напитками, но и чаем. Возмущенные владельцы вынуждены были 31 июля 1914 г. отправить министру внутренних дел телеграмму с просьбой защитить их от произвола⁵⁵.

27 сентября 1914 г. сельским и городским общественным управлениям было позволено ходатайствовать о воспрещении торговли спиртными напитками в ресторанах первого разряда, на которые до того запрет не распространялся. В ответ владельцы трактирных заведений стали требовать возвращения питейных сборов, уплаченных ранее за право торговли⁵⁶. В результате из 63 петроградских ресторанов первого разряда поступило 35 ходатайств о понижении сборов за продажу спиртных напитков. Была создана торговая депутация, рассмотревшая обоснованность каждого ходатайства и поддержавшая 34 из них. Однако городская управа согласилась удовлетворить только 2⁵⁷. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация, когда думы запрещали трактирным заведениям торговать спиртным, но требовали уплаты пошлины за эту торговлю. 23 октября 1915 г. Петроградская городская дума все же решила возвратить сбор трактирам и пивным лавкам за исключением ресторанов первого разряда⁵⁸.

19 января 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности было открыто межведомственное совещание, признавшее экономически необходимым разрешить в России продажу слабоалкогольных напитков. Кроме того, 15 марта совещание предложило вывести легкое виноградное вино и пиво из числа тех напитков, которые могут воспрещаться к продаже органами местного самоуправления. В ответ Петроградская дума 1 апреля 1915 г. ходатайствовала перед императором о сохранении своего права запрещать продажу спиртных напитков. В разгоревшихся дискуссиях вопрос о целе-

сообразности ограничения продажи алкогольной продукции потерялся в патетических выступлениях о перспективах расширения компетенции городских дум. Даже те немногие депутаты, которые считали, что запрет винной торговли негативно сказывается на экономике России, высказались в пользу ходатайства. Так, гласный Клименко вызвал скандал своим заявлением о том, что Германия нанесла Польше меньший вред, чем может нанести России городская дума, запретив торговлю вином и разорив винодельческую промышленность. Однако и он в конце своей речи утверждал: «Городская дума, охраняя собственное достоинство, должна ходатайствовать о том, чтобы право запрещения продажи спиртных напитков было сохранено за городом, потому что не может существовать такого общественного учреждения, которое отказывалось бы от тех прав, которые когда-нибудь были ему дарованы»⁵⁹.

Алкогольная «экзотика»

Официально «сухой закон» преподносился как мера, направленная на заботу о народном здравии (любопытно, что точно так же обосновывалось ранее введение винной монополии). Однако на практике последствия оказались прямо противоположными. Хотя потребление казенного вина в империи резко сократилось, количество смертей от алкоголизма в первые военные месяцы 1914 г. не уменьшилось⁶⁰. Сторонники сухого закона, доказывая успех кампании, ссылались на то, что в 1913 г. в Петрограде от алкоголизма умерли 895 человек, в то время как в 1915 г. – 569. При этом, однако, не учитывалось ни сокращение потребителей алкоголя вследствие мобилизации, ни смертность от отравления суррогатами. Обыватели, издеваясь над официальными сообщениями об уменьшении числа алкоголиков в стране, шутили, что это достигается увеличением числа смертных случаев от «ханжи»⁶¹. «Ханжа» была самым популярным среди алкоголиков напитком и представляла собой разбавленный денатурированный спирт (растворитель на основе этилового спирта-сырца, предназначенный для снятия лаков). «Народные умельцы» изобрели способы «очистки» денатурата – его проваривали в корочках ржаного хлеба, разбавляли квасом или клюквенной настойкой, иногда смешивали с молоком и затем употребляли. Очищали денатурат также солью, настаивая жидкость до образования осадка и добавляя для регулирования «вкусовых» качеств чеснок или перец⁶². На втором месте по популярности стояла политура – 20-процентный спиртовой раствор природной смолы, который применялся вместо лакового покрытия древесины. Сделать ее относительно «пригодной» для питья было сложнее, но уже в октябре 1914 г. крестьянка Калужской губ. Тимофеева, проживавшая в Петроградском уезде, изобрела способ перегонки политуры в водку. Причем, как отметили эксперты при аресте Тимофеевой, полученная водка была довольно высокого качества⁶³.

Самым опасным для употребления являлся древесный спирт – метанол. 10 мл этого яда, попадая в организм, приводят к слепоте, а 30 мл к смерти. Однако некоторые петроградцы, к удивлению врачей, умудрялись ежедневно употреблять по пол-литра метанола (вероятно, разбавленного), оказываясь в больницах лишь вследствие белой горячки. Шел в употребление и одеколон, что привело к массовому воровству пузырьков с одеколоном из парикмахерских, и парикмахеры вынуждены были запирать его в ящиках⁶⁴. Экономя на спирте, который стало выгодно продавать «налево», производители одеколona добавляли теперь в него метанол. В результате, одеколон оказался более опасным не только для питья, но и для наружного применения, так как мог вызвать ожоги кожи⁶⁵. Вместо водки употребляли аптечные спиртовые капли, бальзамы и перцовку. Правда, по знакомству в аптеках можно было достать и чистый спирт. Акцизное управление по Московской губ. в октябре 1914 г. обнаружило, что городские аптеки увеличили закупку спирта с 2 ведер до 15. Врачи массово выдавали рецепты на покупку спирта. Обычно рецепт на 200 г спирта стоил 2 руб., на 400 г – 3 руб.⁶⁶

Но все же на первом месте по популярности стоял денатурат. Сообщения об отравлениях им с первых чисел августа регулярно появлялись в столичной прессе⁶⁷. Продажа денатурата в качестве технической жидкости делала его относительно дешевым

и доступным суррогатом. Если с августа 1913 г. по август 1914 г. в Петрограде было продано 695 696 ведер денатурата, то с августа 1914 г. по август 1915 г. – 1 009 214 ведер⁶⁸. В феврале 1915 г. решено было изменить рецепт приготовления этого спирта, с тем чтобы усилить в нем неприятный запах. Новый денатурат, в котором было больше ядовитых веществ, приобрел синий цвет (старый был красного цвета). Обыватели в аптеках спрашивали именно красненький, так как «он повкуснее будет»⁶⁹. Вопрос о денатурате даже обсуждался на проходившем в марте 1915 г. в Петрограде XI съезде уполномоченных дворянских обществ. На заседании выступил один из владельцев производства денатурата псковский дворянин В.Л. Кушелев, предложивший для пресечения его питьевого использования применить германский опыт, заключавшийся в превращении этой технической жидкости путем специальных добавок в сильное рвотное и слабительное средство⁷⁰. Весной 1915 г. власти Петрограда, осознав, что денатурат давно уже превратился в напиток, приняли беспрецедентные меры – запретили его продажу в предпраздничные и праздничные дни. После этого, согласно данным Обуховской больницы, максимум отравлений, приходившийся ранее на субботу и воскресенье, переместился на понедельник. В прочие праздничные дни количество поступлений в больницу, по сравнению с предыдущим годом, также снизилось⁷¹.

Активно употребляли денатурат московские сумасшедшие. Старший ординатор центрального приемного покоя для душевнобольных в Москве доктор Ф.Ф. Чарнецкий отмечал, что большинство их пациентов начали употреблять денатурат с июля 1914 г., после запрета продажи водки. Причем во время отравления денатуратом у некоторых сумасшедших психическое расстройство отступало на второй план, что ими неверно расценивалось как улучшение состояния⁷². Профессор Л.С. Минор предложил даже выделить «денатуратный алкоголизм» как отдельное заболевание, учитывая разницу в протекании отравлений и особенностях последствий от денатурата и алкоголя на этиловом спирте.

В июле 1915 г. петроградское попечительство о бедных предложило городской думе полностью запретить продажу денатурированного спирта. Дума это предложение отклонила, но в том же месяце Министерство финансов ввело новую наклейку для казенных бутылок с денатуратом – посередине ее изображался череп с костями и стояла надпись «Яд». Другим шагом властей было введение карточек на покупку денатурата. Но не помогло и это: алкоголики давно уже приобретали денатурат в чайных у маклаков, а вот людям, покупавшим денатурат в технических целях, приходилось неделями ждать очереди. В октябре 1916 г. Совет министров рассмотрел вопрос о регламентации продажи лака и политуры, как жидкостей, употреблявшихся с целью опьянения, и хотя таких чрезвычайных мероприятий, как с денатуратом, проведено не было, правительство ограничило их продажу специальными местами (москательными лавками, аптекарскими магазинами и т.п.)⁷³.

Во второй половине 1915 г. в практику вошел новый способ употребления дрожжей: их либо растворяли в клюквенном квасе, либо намазывали на хлеб толстым слоем и ели, что вызывало опьянение⁷⁴. Правда, как отмечали «экспериментаторы», нужный эффект наступал после употребления не менее фунта (400 г) (в некоторых чайных рабочих предлагали дрожжи вместо сахара). Начальник Главного управления неокладных сборов отмечал, что такие случаи были зафиксированы в Нижегородской, Рязанской, Симбирской, Вятской и Пермской губ.⁷⁵ В последней употребление дрожжей с целью опьянения приняло такой масштаб, что заставило губернатора 16 июня 1915 г. включить в обязательное постановление фразу: «Воспрещается употребление внутрь с целью опьянения дрожжей как отдельно, так и в смешении с какими бы то ни было жидкостями»⁷⁶. В МВД, до руководства которого информация о новом открытии еще не дошла, постановление вызвало удивление, и Департамент полиции отправил в Пермь запрос, в котором не без сарказма интересовался у губернатора, «в связи с какими особенными местными условиями» оно появилось⁷⁷. Оправдываясь, губернатор, переслал многочисленные вырезки из газет и сослался на то, что пермские алкоголики порою просто проглатывали порцию дрожжей и запивали их чаем, ожидая опьянения.

После ответа пермского губернатора перед особой врачебной комиссией была поставлена задача выяснить, действительно ли возможно достичь опьянения вследствие употребления этого продукта. От ответа комиссии зависело, будут ли введены ограничения на свободную продажу дрожжей в империи или нет. Член Медицинского совета Н.Я. Чистович представил по этому делу доклад, в котором очень осторожно высказался в том смысле, что полностью исключить возможность опьянения в результате употребления большого количества дрожжей внутрь нельзя, однако в медицинских целях он нередко прописывал своим пациентам жидкие пивные дрожжи по 3 столовые ложки в день, причем опьянение у пациентов ни разу не наблюдалось⁷⁸. В конце концов, учитывая важность производства дрожжей в пищевой промышленности, решено было никаких ограничительных мер не вводить.

Кроме употребления алкогольных суррогатов имели место и производство контрафактной продукции, и корчемство, и домашнее изготовление питей по «бабушкиным» рецептам. Согласно донесениям местных чиновников акцизного управления, тайное винокурение, сокращавшееся в условиях действия винной монополии, после ограничения продажи питей стало резко набирать обороты. Наиболее активно этот процесс проходил в Сибири и восточных губерниях Европейской России. Обыватели, лишенные и водки, и вина, и даже пива, искали максимально приближенный к ним напиток, вследствие чего местные шинкари поднимали крепость своих «зелий». Так, например, в народном квасе содержание объемной доли этилового спирта изменилось с 0,7 до 12%, т.е. возросло более чем в 17 раз⁷⁹. Опьяняющий эффект этого кваса «новой генерации» усиливался добавлением специальных примесей – настоя табака, полыни, дурмана. Приятный сладковатый вкус способствовал частому употреблению этих напитков женщинами и детьми. В восточных местностях империи они изготавливались практически в каждой семье⁸⁰. Массовое распространение алкогольных напитков домашнего приготовления сделало бессильным полицейский и акцизный надзор, и хотя в ряде местностей ежемесячно составлялось несколько сотен протоколов о подобного рода нарушениях, явление только развивалось⁸¹.

Если собственно пьянство представляло собой в большей степени социальную проблему и досаждало в основном МВД, то рост корчемства осложнял экономическую ситуацию, создавая трудности сельскохозяйственному и промышленному ведомствам. В 1915 г. в печати открыто заговорили о наступлении продовольственного кризиса. Это казалось тем более странным, так как урожай хлебов и трав в этот год в Европейской России был выше среднего. Особое совещание по продовольственному делу, образованное осенью 1915 г., выделило 4 продукта, которые наиболее активно закупались в 1915–1916 гг. в городах – хлеб, сахар, соль и мясо. Соответственно и недостаток в них ощущался острее. Главной причиной нехватки продовольствия считалась плохая работа транспорта, однако это могло объяснить перебои в снабжении городов хлебом, солью и мясом, но не рост потребности в сахаре. Она естественно возрастала по мере удаления от районов его производства, однако даже в последних дефицит сахара сильно ощущался в 58% городов. В сельской местности ситуация была не лучше: 80% земств в европейской части России отметили недостаток этого продукта, в отдельных губерниях он ощущался повсеместно⁸². В городах среди дефицитных продуктов сахар стабильно удерживал второе место, уступая лишь хлебу. В Петрограде летом–осенью 1915 г. газеты начали писать о сахарном голоде, утверждая, что вагонов с сахаром в столицу прибывает в 20 раз меньше положенного⁸³.

Когда Продовольственное совещание попыталось установить нормы среднего потребления сахара, неожиданно выяснился его колоссальный рост в военные годы. Так, в 1909–1911 гг. среднегодовое потребление сахара (песок и рафинад) в России составило 46 001,91 тыс. пудов. Учитывая прирост населения, в 1916 г. по расчетам должно было быть потреблено 49 853,16 тыс. пудов. В действительности же потребление составило 94 644,4 тыс. пудов⁸⁴. Члены Особого совещания так и не решились даже предположительно назвать причины роста потребления сахарного песка и рафинада на 89,9% от запланированного. Но примечательно, что увеличение потребления сахара

было заложено Барком еще в бюджетной смете на 1915 г. Предполагалось, что по этой статье в 1915 г. поступления в бюджет вырастут более чем на 28 млн руб. Таким образом, министр финансов лишь ошибся в расчетах, предположив повышение доходов на 18.7%. Правда и тогда Барк не указывал в пояснительной записке причины, по которым он предвидел рост потребления этого продукта⁸⁵.

Борьба за трезвость

Массовое пьянство заставляло власти идти на ужесточение наказаний за продажу и потребление контрафакта. Закон 10 июля 1915 г. предусматривал санкции за торговлю незаконной алкогольной продукцией, а также за появление в пьяном виде в публичных местах. Наказания накладывались в прогрессивной форме в зависимости от того, являлось ли нарушение рецидивом. В первый раз штраф составлял от 25 до 50 руб., что соответствовало тюремному заключению от одной до двух недель, далее он возрастал до нескольких тысяч рублей или нескольких месяцев ареста. Конечно, должного эффекта эти меры не имели, более того, они лишь обостряли социальную обстановку в провинции, дискредитируя власть. Статьи за тайное винокурение нередко становились удобным средством сведения счетов со своими соседями-недоброжелателями⁸⁶. И если летом–осенью 1914 г. к императору поступали благодарственные письма за ограничение продажи питей, то в 1915 г. крестьяне и демобилизованные солдаты отправляли ему жалобы на несправедливое, по их мнению, обращение со стороны местных властей за безобидную перепродажу или употребление алкогольной продукции⁸⁷.

Власти пытались бороться с алкоголизацией населения и с помощью культурно-просветительных мероприятий, в организации которых активно участвовали местные органы власти. Особенно плодотворными на идеи оказались земские деятели, предлагавшие проводить бесплатные лекции о трезвости, устраивать концерты и открывать клубы. Секретарь Судогодской уездной земской управы Владимирской губ. Я.О. Кузнецов считал, что побороть народное пьянство можно при изучении старинной русской песни, «строгой по своему содержанию и трезвой по своим ритму и мелодии»⁸⁸. Правда, проведение данного мероприятия в Судогде неожиданно встретило противодействие со стороны местного протоиерея, который нашел греховным занятие пением в дни поста. Со своей стороны, Церковь также старалась противодействовать пьянству. В 1915 г. Св. Синод объявил 29 августа Днем трезвости. Однако все нерелигиозные праздники в России традиционно сопровождалась употреблением алкоголя. «Сухой» же праздник едва ли был нужен народу и его быстро позабыли.

Кроме употребления суррогатов возникла проблема хранения спирта. Поскольку его производство продолжалось, вскоре выяснилось, что хранить запасы нигде. На 1 января 1915 г. в распоряжении Министерства финансов находилось 55 млн ведер спирта, в течение 1915 г. планировалось получить еще 65 млн ведер, в то время как ожидавшийся годовой расход едва ли превышал 26 млн. В результате, в сентябре 1916 г. Совет министров по инициативе Барка запретил производство спирта на всех винокуренных заводах России. Министры юстиции, внутренних дел, промышленности и торговли, а также государственный контроллер выступили против этого решения, отмечая, что остановка производства спирта может отбросить Россию в технологическом плане назад. Вместо этого предлагалось перерабатывать спирт в каучук, разрабатывать двигатели на спирту и т.д., однако проблема хранения была актуальнее технологических и даже финансовых затруднений: по стране покатила волна разгромов спиртовых хранилищ⁸⁹. Власти рассматривали даже возможность уничтожения запасов спирта, что, правда, наталкивалось иногда на непредвиденные трудности. Так, в январе 1917 г. в Вологде была раскрыта нелегальная поставка спирта в российские столицы в бочках под видом сельди. Кампания была поставлена на широкую ногу, участие в ней принимал даже английский подданный. Вологодский губернатор принял решение об уничтожении конфискованного спирта (70 бочек) и приказал вылить его в прорубь. Но прорубь не вместила всего объема спирта и тот растекся по льду реки. Крестьяне со-

седних деревень спускались к реке, собирали пропитанный спиртом снег и лед и затем, растапливая, получали водку. Согласно донесениям жандармского управления, пьянство в этих деревнях продолжалось в течение всего последующего месяца⁹⁰. Между тем уничтожение запасов спирта и прекращение его производства привели к снижению доходов государства в 1916 г. более чем в 17.5 раз (1.5% государственного бюджета против 26.5% в 1913 г.).

Фактически провал антиалкогольной кампании правительство осознало еще весной 1915 г., когда встал вопрос о проведении мероприятий, направленных на укрепление в народе трезвости. Для этого, несмотря на возражения Маклакова, предлагавшего сосредоточить всю работу в руках органов местного самоуправления и Совещания при МВД, было создано «Особое междуведомственное совещание для всестороннего обсуждения необходимых в видах укрепления начал трезвости в населении мероприятий»⁹¹. Но никакого комплекса действий им разработано не было. Законодательно «сухой закон» так и не получил оформления, поскольку последнее обсуждение соответствующего проекта было назначено в Государственной думе на 27 февраля 1917 г. Тем не менее печать последствий «сухого закона» легла на начавшуюся в 1917 г. революцию. В частности, штурм Петропавловской крепости 27 февраля предшествовал разгром спиртоочистительного завода на Александровском проспекте, а художественно воспетый С. Эйзенштейном «штурм» Зимнего дворца в действительности имел место не в октябре при аресте Временного правительства, а 23–25 ноября 1917 г., когда толпы солдат, рабочих разграбили царский винный погреб⁹².

Таким образом, винная реформа 1914 г., первоначально являвшаяся для кружка кн. В.П. Мещерского удобным поводом устранить В.Н. Коковцова с поста председателя Совета министров, оказалась для многих неожиданный и вошла в противоречие с финансовой политикой П.Л. Барка, как только император потребовал ее реализации. Нежелание царя учитывать экономические последствия реформы, легкомысленное отношение председателя Совета министров и главы финансового ведомства к потере почти миллиарда бюджетных рублей в условиях войны, неспособность правительства выработать последовательную стратегию действий, а также начавшаяся борьба городских дум и земств за расширение собственной компетенции под лозунгом трезвеннической кампании превращали «сухой закон» в серьезный фактор дестабилизации социально-экономического положения империи.

Примечания

¹ *Введенский И.Н.* Опыт принудительной трезвости. М., 1915; *Первушин С.А.* Прекращение продажи питей как один из факторов современной дороговизны. М., 1916; *Хрулев С.С.* Финансы России и ее промышленность. Пг., 1916; *Прокопович С.Н.* Война и финансы. Пг., 1917; *Дементьев Г.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 года. Пг., 1917; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; *Погребинский А.П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.

² *Павлюченков С.А.* Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; *Канищев В., Протасов Л.* Допьем романовские остатки! Пьяные погромы в 1917 году // Родина. 1997. № 8; *Канищев В.В.* Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Николаев А.В.* Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11.

³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 1. Париж, 1933. С. 24.

⁴ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 217.

⁵ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 315.

⁶ Гражданин. 1913. № 6.

⁷ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. Париж, 1933. С. 90.

⁸ Гражданин. 1913. № 22.

⁹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 164.

- ¹⁰ Гражданин. 1913. № 25.
- ¹¹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 41.
- ¹² Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 183.
- ¹³ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 136.
- ¹⁴ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 278.
- ¹⁵ Там же. С. 270.
- ¹⁶ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 147.
- ¹⁷ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 280.
- ¹⁸ См. показания А.Д. Протопопова, С.П. Белецкого, А.Н. Хвостова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Падение царского режима. Т. 4. С. 33, 245–246, Т. 6. С. 76, 88, 90; *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 32.
- ¹⁹ Падение царского режима. Т. 4. С. 246.
- ²⁰ Там же. С. 245.
- ²¹ *Барк П.Л.* Мои воспоминания // Возрождение. 1965. № 157. С. 61.
- ²² Там же. С. 64.
- ²³ Там же. № 158. С. 76.
- ²⁴ Там же. С. 78.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. 1914. М., 2006. С. 247.
- ²⁷ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 324.
- ²⁸ *Барк П.Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1965. № 158. С. 79.
- ²⁹ Там же. С. 80.
- ³⁰ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 330.
- ³¹ *Барк П.Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1965. № 158. С. 80–81.
- ³² ГА РФ, ф. 102, оп. 71, д. 74, л. 1.
- ³³ Там же, л. 2.
- ³⁴ Там же, л. 1.
- ³⁵ Там же, л. 3.
- ³⁶ Там же, л. 149.
- ³⁷ Там же, л. 20.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Особые журналы Совета министров... 1914. С. 618.
- ⁴⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 74, д. 9, ч. Д, л. 9 об.
- ⁴¹ Там же, оп. 71, д. 74, л. 51. В архивном документе рязанским губернатором ошибочно назван Крейтон, возглавлявший Владимирскую губ.
- ⁴² Там же, л. 81, 97.
- ⁴³ *Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 313.
- ⁴⁴ Особые журналы Совета министров... 1914. С. 317.
- ⁴⁵ Там же. С. 271.
- ⁴⁶ Там же. С. 247.
- ⁴⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 71, д. 74, л. 117–118; Особые журналы Совета министров... 1914. С. 188–190.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 71, д. 74, л. 81, 150.
- ⁴⁹ Там же, л. 111.
- ⁵⁰ Там же, л. 197 об.
- ⁵¹ Особые журналы Совета министров... 1914. С. 318.
- ⁵² Там же. С. 364.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 102, оп. 71, д. 74, л. 101, 168, 222 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 156–157.
- ⁵⁵ Там же, л. 34.
- ⁵⁶ Известия Петроградской городской думы. 1915. № 18. С. 1167.
- ⁵⁷ Там же. С. 1170–1177.
- ⁵⁸ Там же. 1916. № 8. С. 1530.
- ⁵⁹ Там же. 1915. № 18. С. 1065.
- ⁶⁰ Подсчитано мной по Еженедельнику статистического отделения Петроградской городской управы за 1913–1914 гг.

- ⁶¹ Петроградский листок. Иллюстрированное приложение. 1915. № 58. С. 6.
- ⁶² В борьбе за трезвость. 1915. №1. С. 41.
- ⁶³ Петроградский листок. 1914. 9 октября.
- ⁶⁴ Там же. 6 октября.
- ⁶⁵ Биржевые ведомости. 1915. 10 июня (вечерний выпуск).
- ⁶⁶ Там же. 25 июля.
- ⁶⁷ Петербургский листок. 1914. 7 августа, 14 августа, 18 августа и т.д.
- ⁶⁸ Биржевые ведомости. 1915. 5 ноября (вечерний выпуск).
- ⁶⁹ Там же. 16 апреля.
- ⁷⁰ Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916. Т. 3. 1913–1916. М., 2002. С. 453.
- ⁷¹ Биржевые ведомости. 1915. 12 июля (вечерний выпуск).
- ⁷² В борьбе за трезвость. 1915. № 1. С. 42–43.
- ⁷³ Особые журналы Совета министров... 1916. М., 2008. С. 482.
- ⁷⁴ Новое время. 1915. № 14163.
- ⁷⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 73, д. 9, ч. Ж, л. 14.
- ⁷⁶ Там же, л. 2.
- ⁷⁷ Там же, л. 3.
- ⁷⁸ Там же, л. 12.
- ⁷⁹ Там же, оп. 75, д. 10, ч. 6, л. 24.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же, л. 26–27.
- ⁸² Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 17 августа 1915 – 17 февраля 1916 г. Пг., 1916. С. 31.
- ⁸³ Биржевые ведомости. 1915. 19 сентября (вечерний выпуск).
- ⁸⁴ Обзор деятельности особого совещания... С. 388–389.
- ⁸⁵ *Беляев С.Г.* Указ. соч. С. 76.
- ⁸⁶ ГАРФ, ф. 102, оп. 73, 1915, д. 7, ч. 213, л. 3–3 об.
- ⁸⁷ Там же, оп. 302, д. 65, л. 1 об.
- ⁸⁸ Там же, оп. 73, д. 1, ч. 19, л. 15.
- ⁸⁹ Особые журналы Совета министров.... 1916. С. 414–415.
- ⁹⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 302, д. 41, л. 27–27 об.
- ⁹¹ Особые журналы Совета министров.... 1915. М., 2008. С. 189–190.
- ⁹² Более подробно историю «пьяного вопроса» в период революции 1917 г. см.: *Веселие Руси. Век XX. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона»*. М., 2007. С. 151–189.

© 2011 г. В. Я. ГРОСУЛ*

КРАСНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Старая русская армия отнюдь не была ограждена от проникновения революционных идей, а некоторые ее представители непосредственно участвовали в революционном движении. Когда говорят об истории революционного движения в самой армии, то обычно начинают с декабристских организаций и восстания Семеновского полка в 1820 г., в свою очередь повлиявшего на возникновение ряда солдатских волнений¹. В действительности создание тайных антисамодеятельных офицерских кружков началось еще раньше, в XVIII в. Среди них наиболее известен смоленский тайный кружок под руководством отставного полковника А.М. Каховского. Собственно это был даже не кружок, а несколько кружков, организовавшихся в 1797 г. и состоявших из офицеров воинских частей и располагавшихся в Смоленской губ. Общее число членов этих кружков достигало почти 100 человек, среди них называют будущего генерала, известного

* **Гросул Владислав Якимович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.